

Музейон

Н.В. Деверилина

В Новоспасском, на родине Михаила Ивановича Глинки

К 200-летию со дня рождения

Каждое время года по-своему подчеркивает особенную красоту Новоспасского. Летом воды Десны стремятся к мельнице, переливаясь на солнце, осенью в небе еще четче выделяются колокола новоспасской церкви, с наступлением зимы прикрытые у подножий снежным покровом многовековые дубы погружаются в дремоту. А весной в обширном парке — пение птиц, царство цветов и разнотравья. В один из таких весенних дней два столетия назад, 20 мая 1804 года, появился на свет Михаил Иванович Глинка.

«Того села Новоспасского у капитана Ивана Николаева сына Глинки с женою Евгенией Андреевою родился 20 числа законно прижитый сын Михаил. Крещен 21 священником Иоанном Стабровским... А при крещении его восприемники были того же села майор Николай Алексеев сын Глинка да села Шмакова подпоручица Елизавета Петрова Глинкина», — гласит запись в метрической книге.

М.И. Глинка. 1834 г. Портрет работы Н. Волкова

В 2004 году мы отмечаем и юбилей великого русского композитора, и 350-летие служения рода Глинок России. Среди Глинок, обосновавшихся на смоленской земле, немало замечательных личностей, достойно служивших Отечеству на военном и гражданском поприщах, внесших вклад в развитие российской науки, литературы и искусства. К юбилейной дате создана обширная родословная роспись, в которой прослежены истории предков композитора, начиная с Якова Яковлевича Глинки, выявлены новые биографические сведения о ближайшем окружении М.И. Глинки и о других представителях рода, среди которых: историк, литератор, переводчик, профессор Дерптского университета Григорий Андреевич; его сын, дипломат и писатель Дмитрий Григорьевич; участники войны 1812 года — прозаик, поэт, драматург, издатель Сергей Николаевич и его брат, поэт и публицист, автор мемуаров, декабрист Федор Николаевич; академик-почвовед Константин Дмитриевич Глинка и другие. На протяжении веков Глинка владели именьями в Смоленском, Ельнинском, Рославльском, Духовщинском уездах губернии. Непосредственно с семьей композитора связаны города Смоленск, Ельня, села Даньково, Прудки, Шмаково, Лучеса, Починок, сельцо Прихабы, деревни Беззаботы, Логачево, Руськово, Шатьково, Сухой Починок. И еще предстоит большая работа по выявлению новых архивных источников, введению в научный оборот документов, воспоминаний, писем для того, чтобы понять, что связывало композитора с обитателями этих смоленских имений, отразились ли смоленские связи на его творчестве.

Понять значение Смоленщины и родового гнезда композитора — Новоспасского в его творческой судьбе помогают документы и материалы, бережно хранящиеся в Государственном архиве Смоленской области и в Музее-усадьбе М.И. Глинки. Музей открылся 27 мая 1982 года. А до этого более века Новоспасское ощущало свое сиротство. После смерти Михаила Ивановича Глинки в 1857 году его сестра Л.И. Шестакова и родственники передали имение младшей сестре, О.И. Измайловой, зная ее привязанность к отчужденному дому. Но через два года Измайлова умерла от дифтерии. Почти двадцать лет муж Ольги Ивановны генерал-майор Н.А. Измайлов добивался разрешения опекунского совета (наследниками стали и трое детей Измайловых) на продажу имения. Новоспасское переходило от одного хозяина к другому, утрачивало мемориальные ценности. Была вырублена часть леса, продан на вывоз дом. Одичали кустарники, исчезли цветники, молодая поросль деревьев появилась на полянах и лужайках, утратились их прежние очертания. В XX веке страшные следы оставила

Великая Отечественная война — на Ельнинской земле шли жестокие бои.

Смолянам было трудно смириться с безвозвратной, казалось, потерей родового гнезда Глинки. Возродить усадьбу удалось благодаря настойчивости местных энтузиастов и общественных организаций, нашедших поддержку в столице. В 1961 году в новоспасскую школу пришли увлеченные люди: новый директор Александр Илларионович Швайкин и его жена, преподаватель русского языка и литературы Тамара Кузьминична Королева (ныне заслуженный работник культуры Российской Федерации).

— Наши первые впечатления — восторг от причастности к заповедному месту и чувство сожаления, даже невольной вины из-за его заброшенности, неухоженности, — вспоминает Тамара Кузьминична. — Вместе с учениками стали спасать парк: регулярно подсаживали дубки, убирали сухостой. Рядом со школой возник вишневый сад, вдоль безымянного ручейка посадили молодые елочки.

Материалы, бережно собранные бывшим директором школы Ю.М. Болдыревым, дополнялись найденными в архивах и музеях страны документами о жизни и творчестве М.И. Глинки. В поисках помогали сотрудники Музея имени А.А. Бахрушина, Центрального государственного музея музыкальной культуры имени М.И. Глинки, Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Растущую коллекцию пополняли родственники композитора, потомки его сестер М.И. Стунеевой, О.И. Измайловой, дяди Ивана Андреевича Глинки. Каждая найденная вещь, документ приносили радость, давали силы и вдохновение для новых поисков. Но пока это был только школьный музей.

В 1976 году Александру Илларионовичу предложили взяться за организацию Музея-усадьбы в Новоспасском. Министерство культуры и Союз композиторов СССР координировали работу. В Новоспасское приехали специалисты-реставраторы. Более двух десятков организаций восстанавливали усадьбу Глинки: строился по сохранившимся рисункам и описаниям дом, благоустраивался парк, продолжались поиски экспонатов для музейной экспозиции...

Через шесть лет состоялось открытие Музея-усадьбы. Массивные деревянные ворота, дорожка к дому с колоннами, расположенному на возвышенности рядом с каскадом прудов, сходящих к Десне, — все было тщательно восстановлено по рисункам и чертежам, воспоминаниям и документам. Новоспасское ожило. И теперь тысячи почитателей музыки Глинки приходят, приезжают сюда, чтобы увидеть неповторимую красоту места, где он родился, рос, обдумывал свои сочи-

нения, собирал материал для них, впитывал народное песенное творчество.

Глинка любил окрестности усадьбы, по примеру отца ухаживал за деревьями, цветами. До сих пор живы посаженные композитором дубы, которые хранят прикосновения рук Михаила Ивановича. В устроенном Глинками английском парке поляны чередуются с куртинами деревьев и кустарников, одиноко стоящими деревьями-солитерами, садовыми украшениями. Основу парка составляли вязы, клены, дубы, липы, ясени. Одна из достопримечательностей парка — двухсотлетний дуб-седло. Наверное, тогда же, при Михаиле Ивановиче, была завезена жимолость, ее до сих пор можно встретить в парке. Среди редкостей — бересклет бородавчатый с розово-оранжевыми плодами, напоминающими цветки. По-прежнему красива река Десна. Журчит вода, перетекающая из верхнего пруда в нижний. На одном из прудов благодаря работникам атомной станции появился фонтан.

Продолжил дело А.И. Швайкина, ушедшего из жизни, новый директор В.Ф. Кугаков. За последние годы немало сделано для восстановления прежнего облика усадьбы. Появились оранжерея, кухня-пекарня, каретный сарай, людская изба, мельница, мост через Десну. В усадебном доме — столовая, комната для птиц, «большая и веселая зала», где собиралось все семейство. В день рождения композитора здесь проводится Глинкинский бал, юные пары торжественно и плавно шествуют под музыку, которая звучала в доме Глинок два столетия назад. Рядом — кабинет Михаила Ивановича, где ему так хорошо работалось. Здесь создавались образы Ивана Сусанина, Руслана и Людмилы, здесь он учил музыке младших сестер. А выйдя на

крыльцо, слушал, как поют новоспасские крестьяне, как играет дядюшкин оркестр, как звонят к вечеру незабываемым звоном колокола церкви, построенной еще дедом Михаилом Глинкой Николаем Алексеевичем и освященной в 1786 году.

Первые годы жизни Миша Глинка провел под присмотром бабушки Феклы Александровны. Она принадлежала к смоленской ветви рода дворян Соколовских, вотчина которых находилась в Рославльском уезде, неподалеку от имения тетушки ее жениха — Друцкой-Соколинской. Возможно, у нее в доме и познакомились будущие супруги. Став к 30 годам матерью двенадцати детей, Фекла Александровна не ограничивала свои интересы детской, лично вникала в дела имения. Она проявила решительность, когда старший брат и опекун Евгении Андреевны не дал согласие на брак с ее сыном, ссылаясь на троюродное родство, хотя разрешение духовной консистории на брак было дано. Фекла Александровна вместе с Иваном была в карете, которая ждала сбежавшую из дома невесту, и сама повела влюбленных к венцу.

Энергичная Фекла Александровна приняла решение взять маленького внука под свое крыло. Не только из-за малоопытности родителей, потерявших первенца Алешу. У нее были и свои горькие потери: одного из умерших сыновей тоже звали Алексеем, другого — Михаилом. Сбереечь, вырастить внука было главной заботой Феклы Александровны в ее последние годы. Современные исследователи усматривают причину болезненности, слабого здоровья Михаила Глинки в чрезмерной бабушкиной опеке. Хотя можно предположить, что именно ей мы обязаны тем, что Глинка благополучно избежал в детском возрасте многих опасностей.

Дед Глинки, Николай Алексеевич, сочетал глубокую религиозность с деятельностью на благо общества. Он совершал паломнические поездки к святым местам, интересовался духовной музыкой. Выйдя в отставку в чине секунд-майора, работал в должности заседателя в Верхнем земском суде. Николай Алексеевич имел неплохую библиотеку екатерининского времени.

После смерти родителей хозяином новоспасского имения стал отец Михаила Глинки Иван Николаевич. Он построил новый просторный дом в расчете на большое семейство. И действительно, у Глинок было 13 детей. Оранжереи, цветники, каскад прудов — все обустроивалось с петербургским изяществом. Благожелательность и радушие хозяев, особая музыкальная атмосфера собирали на праздники не-

Запись в метрической книге о рождении М.И. Глинки

Кабинет М.И. Глинки

малое число гостей. Да и родственники подолгу жили в Новоспасском. Круг родных, соседей и знакомых Глинок был широк. Они находились в родстве с Повало-Швейковскими, князьями Друцкими-Соколинскими, Родзянками, Булгаками, Нахимовыми, Гедеоновыми, Соболевскими, В.К. Кюхельбекером (в смоленском имении Закуп жила его сестра), узами долголетней дружбы были связаны с Энгельгардтами, Римскими-Корсаковыми и другими.

Иван Николаевич занимался хлебными поставками, казенными подрядами и откупам. Его репутация в деловом мире была настолько высока, что ему доверяли пускать в оборот большие средства, взятые займы. Винокуренный завод, обустроенный им в д. Шатьково, процветал. В имении были конный завод, мельница, сукновальня. По словам сестры Глинки Л.И. Шестаковой, в Новоспасском «было все свое: ткали ковры, плели кружева, делали вышивки; также были: портные, башмачники, маляры, слесари, столяры и проч. — всех около ста человек, может быть, и более. Все помещались с семьями в флигелях, ко-

торых было от десяти до двадцати, кроме дома и двух больших флигелей. Это было маленькое местечко, или городок». Рациональное ведение хозяйства позволяло Глинкам не только содержать в достатке такое большое семейство, но и отправлять сыновей на учебу в лучшие учебные заведения России.

В 1817 году Михаил Глинка поступил в Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Петербурге. Помимо обучения наукам продолжал заниматься музыкой с профессионалами. Второй его дядюшка, Иван Андреевич Глинка, из смоленского села Лучеса, подолгу жил в Петербурге и, будучи сам хорошим музыкантом, ввел Мишу в музыкальное общество.

Тем не менее Глинка всегда стремился в Новоспасское, откликаясь на призыв матушки Евгении Андреевны. Он был здесь весной 1823 года по пути на Кавказ. И после восстания декабристов, под предлогом помолвки сестры Пелагеи с Яковом Соболевским, покинул Петербург, чтобы провести зиму 1825 года и весну 1826 года в кругу родных. В Смоленске он написал вариации на

Иван Николаевич Глинка (1777—1834)

Евгения Андреевна Глинка (1783—1851)

тему итальянского романа «Благословенна буди мать». Это произведение стало первым из напечатанных. В том же 1826 году Глинка создал «Пролог». Он считал эту кантату своим первым удачным вокальным произведением крупной формы. На смоленской земле также были написаны романсы «Бедный певец» и «Утешение».

Композитор был в Новоспасском в марте-апреле 1828 года, вновь приехал сюда осенью 1829 года, пробыл зиму, часть весны 1830 года. И каждый раз возвращался в Петербург полным музыкальных впечатлений и замыслов.

Когда Глинка бывал в Новоспасском, общение с родными, и особенно с «бесценной маменькой», радовало его сердце. Ей он поверял свои секреты, делился невзгодами и радостями. Любил слушать рассказы о старине.

Евгения Андреевна восьмилетней девочкой осталась без родителей. Из Лучесы, имения отца, ее перевезли в Шмаково к старшему брату Афанасию, который стал ее опекуном. У шмаковских Глинок не было своих детей, поэтому все внимание и ласка отдавались Евгении. Она получила хорошее домашнее образование и воспитание.

В жизни родителей Глинки было много светлых страниц, в том числе и признание таланта их сына. Но были и горькие утраты, смерти детей: в 1804 году — первенца Алексея, в 1813 году — Ивана, в 1821 году — Екатерины, в 1823 году — Николая, в 1828 году — Пелагеи, в 1834 году — Евгения, в 1839 году — Андрея, в 1850 году — Елизаветы. (Кстати, даты жизни и смерти неко-

торых из братьев и сестер были выявлены или уточнены недавно, в ходе подготовки к юбилею композитора.)

В семье всегда ждали известий от Михаила, и он часто писал своим родным. «Ваши теплые молитвы принесли мне счастье», — эти слова из письма Глинки, обращенные к матери, стали заголовком книги, вышедшей в 2003 году. В ней напечатаны письма к родным Евгении Андреевны Глинки, соединившей в себе и такт, и достоинство, и щедрую любовь. В письмах раскрывается душевный мир самого близкого композитору человека. «Ваша усердная и преданная мать Евгения Глинка» — так подписывала она свои письма.

Путешествие по Италии, жизнь в Берлине, занятия теорией музыки и композицией в Германии все больше подталкивали Глинку к созданию русской национальной оперы. Главное состоит в выборе сюжета, считал он. В письме к одному из знакомых сообщал: «Я хочу, чтобы все было национальным: прежде всего — сюжет, но и музыка тоже — настолько, чтобы мои дорогие соотечественники чувствовали себя дома, а за границей меня не сочли хвастунишкой, вороной, которая вздумала рядиться в чужие перья».

Часть весны и лето 1834 года Михаил снова провел в Новоспасском. Повод для приезда на этот раз был печальным. В начале марта ушел из жизни отец, Иван Николаевич, любовью и дружбой которого сын так дорожил. Глинка утешал и поддерживал матушку.

*«...У нас здесь рай земной...» Из письма М.И. Глинки
Н.А. Степанову от 11 сентября 1839 г.*

Вернувшись в Петербург, композитор, по совету В.А. Жуковского, принялся за работу над оперой «Иван Сусанин». В июне следующего года М.И. Глинка, с женой и ее матерью, вскоре после свадьбы приехал в Новоспасское и пробыл в кругу родных все лето. «Время было прекрасное, и часто я работал, отворивши дверь в сад, и впитывал в себя чистый бальзамический воздух». Значительная часть оперы была создана на Смоленщине, в Новоспасском. Здесь вслушивался он в мелодии смоленского края, некоторые из которых творчески переосмысливал и развивал. Позднее ученица Глинки певица Дарья Михайловна Леонова вспоминала рассказанное ей самим композитором: «Раз он ехал на родину, и около Смоленска ямщик его запел. В опере “Иван Сусанин” есть мотив, который проходит почти в каждой части его оперы: “Ах, не мне, бедному!” Михаил Иванович взял его прямо от ямщика... Этого довольно было для М.И. Глинки, чтобы построить такую громаду, как увертюра к опере “Иван Сусанин”, и трио “Ах, не мне, бедному”».

В 1837 году в Смоленске в зале Дворянского собрания (ныне филармония) состоялось исполнение написанного по заказу смоленского губернатора и литератора Н.И. Хмельницкого Полонеза по случаю проезда через Смоленск цесаревича Александра Романова.

Приезжая на Смоленщину, Глинка навещал родных, сестер: М.И. Стунееву в Сухом Починке, где восторгался музыкальностью местных крестьян, Л.И. Шестакову — в Логачеве, Н.И. Геденову — в Беззаботах. В имении Беззаботы он писал интродукцию к опере по поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Работа над захватившей композитора темой продолжалась и в Новоспасском, и по пути в Петербург. «В дороге всю ночь я был в лихорадочном состоянии, воображение мое зашевелилось, и я в ту ночь изобрел и сообразил финал оперы, послужившей впоследствии основанием увертюры оперы “Руслан и Людмила”», — писал М.И. Глинка.

В свое Новоспасское, «рай земной», как его называл композитор, он приезжал и в мае 1841 года, и в июне 1844 года. Последний раз был в Новоспасском и Смоленске по возвращении из Испании. Тогда он написал фортепианные пьесы, романсы «Милочка», «Ты скоро меня позабудешь». 23 января 1848 года смоленская общественность устроила чествование знаменитому земляку. В начале марта Глинка покинул родные места. Как оказалось, навсегда. После смерти матери 31 мая 1851 года, о которой Глинка узнал в Варшаве, он не мог снова вернуться туда, где все отзывалось болью воспоминаний об умерших родителях, о прежних счастливых днях.

Смолянам дорого все, что связано с Глинкой. По крупницам собираются бесценные сведения о

его жизни, творчестве. Наверное, нельзя сказать лучше, чем В.В. Стасов сказал в 1857 году: Глинка «всею жизнью своей оправдал слова свои, сказанные еще ребенком: “Музыка — душа моя!” Прекрасная человеческая личность его отпечатлелась на всех произведениях его: они полны красоты и высшей притягательной силы, потому что и сама душа его, во все течение жизни, оказывала это притягательное действие на всех, кто имел счастье быть близким к нему <...> Он вложил всю свою жизнь в страницы своих сочинений, он влил в звуки своей музыки всю кровь сердца своего, и от того создания его, оставшиеся навеки бессмертными сосудами, которых содержание драгоценно, заключают в себе в то же время власть над каждой душой, в которой раздается священный звук поэзии. Россия признает уже Глинку в числе великих сыновей своих. Быть может, немного времени пройдет, как и вся Европа станет произносить его имя вместе с именами высших художественных натур и найдет в его произведениях неистощимые источники восторгов для настоящего и семени для самого широкого развития искусства в будущем».

Имя Глинки знают и ценят во многих уголках мира. Несколько лет назад в Новоспасском появилась традиция принимать лауреатов международного конкурса вокалистов имени М.И. Глинки. Важнейшая задача конкурса, по словам председателя жюри, народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, академика И.К. Архиповой, — не только открывать молодые таланты, но и вернуть популярность и славу вокальному классическому наследию.

Приезжают в Новоспасское и совсем юные исполнители. В 1998 году решением Смоленского горсовета и администрации учреждены Премии имени М.И. Глинки, ими ежегодно награждают лучших учащихся музыкальных школ города.

В ежегодных глинкинских фестивалях принимают участие лучшие исполнители России. Праздник начинается с возложения цветов к памятнику М.И. Глинке в Смоленске. Открытие декады происходит в театре, а закрытие — в Новоспасском. В эти дни в усадьбу поклониться заповедному месту, памяти дорогого россиянам человека приезжают тысячи гостей.

Двух гениев дала русской культуре смоленская земля — Александра Пушкина и Михаила Глинку. Стихотворение нашего земляка А. Мишина так и называется: «Два гения».

*И музыканта, и поэта
Роднит святая чистота.
Два гения в начале лета
Явились миру неспроста.*

*Они росли в счастливых муках.
И эти муки знает Бог...
Один в земных купался звуках,
Другой — ловил изящный слог.*

*Не нарушая честных правил,
Отчизне будучи слугой,
Один — Михайловское славил,
И Новоспасское — другой.*

*У них у каждого свой берег,
Свой соловей, цветок во ржи.
Они творили не для денег —
Для очищения души.*

*И оттого светлеют взгляды,
Как Сорочь и Десна-река...
И мы, потомки, с ними рядом
Через века. И на века!*

*О них кукуют нам кукушки,
И полон звуков небосвод...
Прислушайтесь — то молвит Пушкин!
И нам аккорды Глинка шлет!*

Смоленщина подготовила к юбилейной дате фестиваль, конференцию, выставку, концерты. Новые документы и источники рассказывают об истории рода Глинок, издано несколько книг, содержащих неизвестные или малоизвестные материалы о композиторе и его смоленском окружении. Многие делается для сохранения первоначального облика усадьбы, ремонтируется дом. В Новоспасском и в Ельне будут установлены бюсты М.И. Глинки. Состоятся торжества в Москве, Санкт-Петербурге, других городах России — праздник, посвященный двухсотлетию со дня рождения Михаила Ивановича Глинки, — праздник поистине всероссийский, всенародный.

Одна из комнат Музея-усадьбы М.И. Глинки

Памятник И.А. Гончарову в Ульяновске.
Скульптор А. Писаревский

*А.В. Лобкарева,
И.В. Смирнова*

«Благословенный уголок земли»

*Музей И.А. Гончарова
в Ульяновске*

«...**К**ем построен Петербург, все знают, но мало кому известно, что Симбирск основан родителем царя Петра, Алексеем Михайловичем.

Вожделение сына — Запад, а отец на Восток поглядывал. Даже имя Симбирску дано азиатское. У чувашей «синбирен» — белая гора. Помордовски «сююн бир» — зеленая гора. Есть и еще одна версия имени города: у тюрков «сын бир» — одинокая гробница.

Уже Иван Гончаров стал знаменитым петербургским романистом, уже «азиатчина» и «татарщина» сделались бранными словами — не только на страницах прогрессивных журналов, но и в личной переписке либеральных министров, — а в России еще писали по старинке: Синбирск¹.

Имя русского писателя Ивана Александровича Гончарова (1812—1891), родившегося в «Симбирске», известно всему миру. Многие поколения зачитываются его романами «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» («Я вижу не три романа, а один», — говорил сам Иван Александрович), стараясь понять тайну загадочной русской души. Две трети своей долгой жизни он прожил в Петербурге, там протекала его служебная и литературная деятельность, но единственный в стране музей писателя создан на его родине в Ульяновске (Симбирске). И это не случайно. Уе-

хав из Симбирска двадцатитрехлетним юношей, Гончаров до конца жизни был неразлучен с городом, где прошло его детство, куда он неизменно приезжал на каникулы московским студентом и позже уже известным писателем. Воспоминания детства и юности, размеренный быт обитателей российской провинции питали творчество Гончарова, вошли в ткань его романов. «Я сам и среда, в которой я родился, воспитывался, жил, — и все это помимо моего сознания, само собой отразилось силой рефлексии у меня в воображении. <...> У меня, очень зоркого и впечатлительного мальчика, уже тогда при виде всех этих фигур, этого беззаботного житья-бытья, безделья и лежания зародилось неясное представление об “обломовщине”², — вспоминал он в 1887 году в очерке «На родине».

Родина вошла в сознание романиста не только картинами «сна и застоя». Величавое течение Волги, ее живописные, покрытые яблоневыми садами берега, бескрайние заволжские степи, воздух, «от которого пробегает по телу дрожь бодрости», — эти поэтические картины помогли ему впоследствии изобразить Обломовку как «благословенный уголок земли».

«Обрыв» — самый симбирский из романов Гончарова. В имении Малиновка «рядом с городом С.» симбиряне сразу угадали Винновку, име-

¹ Лоциц Ю.М. Гончаров. (Жизнь замечательных людей). М., 1986. С. 7.

² Гончаров И.А. Собрание сочинений. М., 1952. Т. 7. С. 286.

ние помещиков Киндяковых на берегу Волги, в пяти верстах южнее Симбирска. Как признавался сам Гончаров, многие черты характера его матери Авдотьи Матвеевны он передал бабушке Татьяне Марковне Бережковой. В учителе Леонтии Козлове симбиряне узнавали старшего брата писателя, Николая Александровича, который тридцать лет прослужил в Симбирской мужской классической гимназии, в Марке Волохове видели черты одного из его племянников, Владимира Михайловича Кирмалова. И таких примеров немало.

Прототипом был сам Симбирск, его атмосфера. Гончаров всегда живо интересовался жизнью города. Из писем родственников узнавал новости, радовался, когда в Симбирске открыли театр, подарил городу свою библиотеку. Все, кто приезжает в Ульяновск, обращают внимание на то, как часто здесь вспоминают Ивана Александровича Гончарова. Центральная улица носит его имя, Художественный и Краеведческий музеи расположены в Доме-памятнике Гончарову, построенном в 1916 году на средства, собранные по Всероссийской подписке. В 1948 году, в год 300-летия Симбирска-Ульяновска, перед Дворцом книги, областной библиотекой, где поныне хранится собрание книг и журналов, подаренных городу Гончаровым, был установлен памятник писателю работы скульптора А. Ветрова. Спустя несколько лет в городе появился еще один памятник, его автор Л. Писаревский. Все это дань уважения и любви земляков к Ивану Александровичу Гончарову. В одном из самых живописных уголков города, Винновской роще, стоит Гончаровская беседка — ее поставили еще в 1912 году в знак того, что эти места вдохновили писателя на создание романа «Обрыв».

Мысль о создании в городе музея И.А. Гончарова родилась тоже в 1912 году, во время празднования столетия со дня его рождения. Но XX век распорядился по-своему: в 1924 году Симбирск превратился в Ульяновск, «родину Ильича», и городу было уже не до Гончарова (и не до Карамзина, тоже симбирянина, дом которого стоял когда-то на самом Венце...). Разбросало на Запад и Восток, от Парижа до Харбина, потомков семьи писателя, потомков симбирского дворянства и симбирской интеллигенции, потерялись их следы. Только в 1975 году было принято решение о создании в Краеведческом музее мемориального отдела И.А. Гончарова.

Для создания музея были основания и возможности. Сохранилось, хотя и в несколько перестроенном виде, здание, где родился писатель. В нем размещались разные учреждения, но улья-

Дом, где родился И.А. Гончаров

новцы продолжали называть его «Домом Гончарова». В Краеведческом музее с 1954 года существовала Комната памяти И.А. Гончарова, где была представлена коллекция подлинных вещей из его петербургской квартиры. Эти вещи потомки родных и близких писателя привезли еще на юбилейную выставку 1912 года. Правда, от мысли создать мемориальный музей пришлось отказаться — не сохранилось ни мебели, ни бытовых вещей из симбирского дома Гончаровых, не было известно назначение сохранившихся комнат.

Началась семилетняя кропотливая работа с архивами писателя, его рукописями, эпистолярным наследием, непрекращающийся поиск потомков его родственников и близких. Гончаров — один из самых «скрытных» писателей. Мало что было известно о его личной жизни, о его привязанностях. Большую часть своего архива он в конце жизни сжег, значительно пострадала его переписка. Своей семьи он не имел. Но с 1878 года на его попечении остались трое детей внезапно умершего слуги Карла Людвиг Трейгута. А.Ф. Кони писал в воспоминаниях о Гончарове: «С годами, когда стали подрастать дети, сердце Ивана Александровича откликнулось на их чистую ласку, он привязался к ним, особенно к старшей девочке»³. Благодаря Ивану Александровичу дети получили хорошее образование. Им завещал Гончаров все свое состояние.

Весной 1891 года любимица Гончарова Саня Трейгут вышла замуж за преподавателя Петер-

³ Кони А.Ф. Иван Александрович Гончаров / И.А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 259.

Н.А. Майков. Портрет И.А. Гончарова. 1860

бургской консерватории А.Д. Резвцова. Потомки Александры Карловны Резвцовой передали в музей коллекцию гончаровских вещей, состоящую из 22 предметов, в их числе четыре кресла из кабинета писателя, трость, стакан с подстаканником, золотые часы швейцарской фирмы «Tobias», фотографию Гончарова последних лет жизни. Сначала никто и мечтать не мог о том, что через столько лет после кончины писателя удастся найти уникальные гончаровские реликвии, не известные ранее исследователям его жизни и творчества. Однако у потомков старшего брата писателя и двух его сестер, как и у потомков его любимой воспитанницы, сохранились бесценные для музея документы и вещи.

Первыми на газетные сообщения о создающемся в Ульяновске музее отозвались потомки младшей сестры писателя, Анны Александровны, — московская семья Музалевских. От них поступила коллекция фотографий, документов и вещей из дома Музалевских в Симбирске. Эти вещи окружали писателя, когда он в 1862 году работал в их доме над романом «Обрыв».

У другой сестры Гончарова, Александры Александровны Кирмаловой, было пятеро детей, и сейчас ее потомки живут в Москве, Петербурге, Н. Новгороде. Все они стали друзьями музея. Кирмаловы передали в Ульяновск свои семейные архивы, благодаря им музей стал обладателем двух неопубликованных писем Гончарова сестре.

Самым долгим был поиск потомков старшего брата писателя, Николая Александровича Гончарова. Единственная его внучка, Елизавета Александровна, училась в университете Нанси и в 1907 году вышла замуж за профессора математики Поля Симона. Сейчас во Франции живут многочисленные потомки их четырех сыновей. Вот уже более десяти лет они почти ежегодно приезжают в Ульяновск. За эти годы в музей переданы десятки документов, фотографий, книг, вещей из семейных архивов.

Торжественное открытие историко-литературного музея Ивана Александровича Гончарова состоялось 17 июня 1982 года. Экспозиция разместилась в восьми залах на первом этаже «Дома Гончарова».

Войдя в музей, посетители попадают в его мемориальную часть, точнее, в одну из комнат, где восстановлены архитектурные особенности купеческого дома первой половины XIX века. Гончаров родился в небогатой купеческой семье. Предки писателя были военными: как свидетельствуют документы XVII века, прадед Гончарова, Иван

Лаврентьевич, происходил из «солдатских детей» и сам служил. Дед, Иван Иванович, дослужился до капитанского чина и в 1759 году вернулся из-под Оренбурга на жительство в Симбирск. Отец, Александр Иванович, занялся хлебопечением. Сюда, в эти старые стены, вернулись главные семейные раритеты: портрет матери писателя, Авдотьи Матвеевны, удивительной женщины, которую он любил и которой гордился, портрет его крестного отца, симбирского дворянина Николая Николаевича Трегубова, отставного морского офицера, много сделавшего для воспитания будущего писателя, и семейный «Летописец», начатый дедом писателя Иваном Ивановичем. На протяжении почти полутора веков Гончаровы вели этот дневник. В экспозиции он открыт на странице с записью о рождении Ивана Александровича: «1812 года июня 6 дня родился сын Иван, а именинник июня 24 дня».

«...Нужно еще раз, помедленнее перелистать гончаровский фамильный «Летописец», — пишет в книге о Гончарове Юрий Лоциц. — Темно-коричневый переплет и голубая бумага осьмнадцатого века, толстая, шероховатая, с выцветшей чернильной ржавью. Такие или примерно такие книги были некогда в десятках, сотнях семей. Хотя первая запись в гончаровской хронике относится к 1733 году, от книги веет временами гораздо более древними. Патриархальная окраска придана ей дедом писателя»⁴.

Весной 1835 года молодой Гончаров, окончивший словесное отделение Московского университета и проработавший год в канцелярии симбирского губернатора, решает уехать в Петербург. Наверное, как и герой его будущего романа «Обыкновенная история» Александр Адуев, он мечтал о «карьере, счастье, фортуне». Экспозиция, посвященная петербургскому периоду жизни писателя, помещается в более позднем пристрое к дому. Жизнь Гончарова сложилась так, что почти тридцать лет он отдал службе, прошел всю чиновную лестницу, от мелкого служащего до действительного статского советника. Позже в одном из писем Иван Александрович с горечью признавался: «...хотелось мне всегда и призван я был писать, а между тем должен был служить <...> всегда делал то, чего не умел или не хотел делать»⁵.

Только в тридцать пять лет осуществилась мечта Гончарова — в журнале «Современник» за 1847 год он опубликовал свой первый роман «Обыкновенная история». После публикации романа он сразу занял в русской литературе, по словам В. Белинского, «одно из самых видных мест».

⁴ Лоциц Ю.М. Гончаров. С. 8.

⁵ Гончаров И.А. Письмо А.А. Толстой, 14 (26) апреля 1874 г. Петербург / Гончаров И.А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 441.

«Обыкновенная история» — пожалуй, одна из первых художественных реакций русской литературы XIX века на новый «возраст» общественного самосознания. Надвигающуюся с Запада буржуазность писатель рассматривает в контексте «вечных» вопросов человеческого существования. Антагонизм цинично-делового Адуева-старшего и его юного племянника неожиданно обращается зеркальным отражением: племянник «дорос» до дяди, но дядя, ужаснувшись своему «двойнику», неожиданно взбунтовался: все полетело — служба, завод, головные принципы — «не хочу жить одной головой!» Л.Н. Толстой так отозвался о гончаровском романе: «Прочтите эту прелесть. Вот где учишься жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не согласиться, но, зато, свой собственный становится умнее и яснее»⁶.

Каждому из романов Гончарова посвящен свой зал экспозиции. Рассказать о художественном произведении музейными средствами всегда сложно. Музей показывает рукописи, первые издания, первые иллюстрации к роману, газеты и журналы того времени с критическими статьями. Выстраивая замысел залов, создатели музея рассказывают и о современном состоянии гончароведения. В 1977 году появилась книга Ю. Лоцица «Гончаров» в серии ЖЗЛ, в 1979 году был снят фильм Н. Михалкова «Несколько дней из жизни И.И. Обломова», которые обозначили существенные изменения в оценке творчества писателя. Время обнаруживает в книгах Гончарова и его героях неиссякаемые запасы содержательности. Гончарова сегодня перестали воспринимать только как разоблачителя «обломовщины» и талантливого бытописца, в нем увидели глубокого, своеобразного философа. Процесс переосмысления творчества писателя продолжается по сей день. Особую роль в экспозиции играет слово самого Гончарова, его суждения о времени, о себе, о творчестве, фрагменты воспоминаний Ивана Александровича, его рукописей, неопубликованных писем.

«Обломов» — самый знаменитый роман Гончарова. Его героя знают во всем мире. Его недавно рассматривают в одном ряду с Гамлетом, Фаустом, Дон-Кихотом. «Делать или не делать?» — вот в чем обломовский вопрос⁷. В 1921 году, размышляя о загадках отечественной истории, Ми-

хаил Пришвин писал об Обломове: «...его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя...»⁸ В письме С.А. Никитенко в 1866 году Гончаров так говорил о своем замысле: «Скажу Вам, наконец, вот что, чего никому не говорил: с той самой минуты, когда я начал писать для печати... у меня был один артистический идеал: это изображение честной, доброй, симпатичной натуры, в высшей степени идеалиста, всю жизнь борющегося, ищущего правды, встречающего ложь на каждом шагу, обманывающегося и, наконец, окончательно охлаждающегося и впадающего в апатию и бессилие от сознания слабости своей и чужой, то есть вообще человеческой натуры... Но тема эта слишком обширна, я бы не совладал с нею...»⁹ Оказалось — совладал. Роман Гончарова «Обломов» поразил современников и до сих пор вызывает жаркие споры исследователей.

Украшение зала — портрет Гончарова работы его друга, петербургского художника Н.А. Майкова, написанный в 1859 году. Это один из лучших портретов писателя. Художник не скрыл любви и уважения, которые он питал к Ивану Александровичу, образ писателя передан с удивительной симпатией. Этому портрету как нельзя лучше соответствуют слова, написанные самим Гончаровым об Илье Ильиче Обломове, героя, которого он наделил своим сердцем и своей добротой: «...ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки»¹⁰. Об «исключительной человечности идиллического человека Обломова» и его «голубиной чистоте» говорил выдающийся современный литературовед М.М. Бахтин¹¹, и не только он.

Над задуманным в Симбирске летом 1849 года романом «Обрыв» Гончаров работал в общей сложности двадцать лет. Он сознавал, что это его последнее крупное произведение. Роман был ему очень дорог. «...Любимое дитя моего сердца и моей фантазии, — писал он об «Обрыве». — Невольно, бессознательно высказалась там и объяснилась и мне самому — и любовь к людям, и к России...»¹²

⁶ Толстой Л.Н. Письмо В.В. Арсеньевой. 7 декабря 1856 г. / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 74. С. 239.

⁷ Лоциц Ю.М. Гончаров. С. 198.

⁸ См. там же. С. 185—186.

⁹ Гончаров И.А. Письмо С.А. Никитенко. Мариенбад, 21 августа (2 сентября) 1866 г. / Гончаров И.А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 356.

¹⁰ Гончаров И.А. Обломов / Гончаров И.А. Собрание сочинений. Т. 2. С. 5.

¹¹ Лоциц Ю.М. Гончаров. С. 201.

¹² Гончаров И.А. Письмо М.М. Стасюлевичу. 19 июня 1868 г. / М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. IV. С. 25, 26.

А.М. Гончарова, мать писателя. Неизвестный художник. Начало XIX века

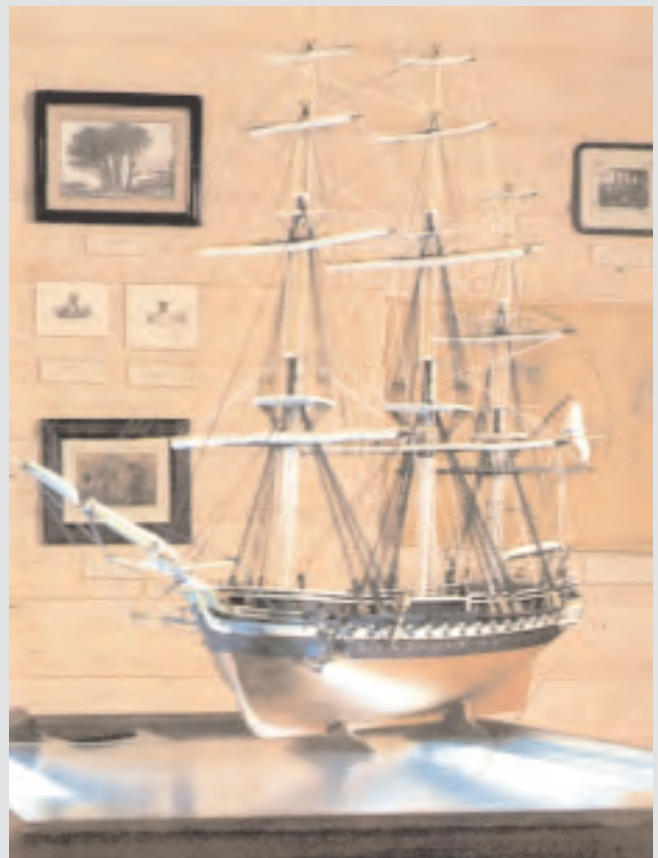

Каюта морского офицера. Фрагмент экспозиции музея

Особая тема в творчестве Гончарова — его путешествие на фрегате «Паллада» к берегам Японии. Этот круиз дал новый масштаб размышлениям писателя о своем отечестве и об особенностях русского характера. Мечта о кругосветном плавании зародилась у него в детстве под впечатлением рассказов его крестного Н.Н. Трегубова, участника морских походов и сражений на Черном море. В сорок лет судьба дала Гончарову шанс осуществить эту мечту: вице-адмирал Е.В. Путятин, возглавлявший дипломатическую миссию, искал секретаря, человека, «который бы хорошо писал по-русски, желательно литератора». Иван Александрович узнал о предложении Путятина случайно и сразу начал хлопотать о назначении. Десять месяцев через Атлантический, Индийский и Тихий океаны шел фрегат в Японию. Плавание на «Палладе» стало для Гончарова одним из самых ярких жизненных впечатлений: «Это вглядывание, вдумывание в чужую жизнь, в жизнь целого народа или одного человека отдельно, дает наблюдателю такой общечеловеческий и частный урок, которого ни в книгах, ни в каких школах не отыщешь»¹³.

Небольшая квартира писателя на Моховой была наполнена множеством вещей, привезенных из путешествия. Много диковинных заморских «сувениров» подарил И.А. Гончаров родным и друзьям. Некоторые из них сохранились и стали подлинным украшением музея. Это четыре японские шкатулки, покрытые лаком, три акварели, две яркие японские тарелки и редкая океанская раковина. Книга очерков «Фрегат “Паллада”» (1858) до сегодняшнего дня считается мировым эталоном в жанре путешествий. Бесспорно, сам автор дорожил этой книгой. В 1879 году, после литературного чтения на петербургских Высших женских педагогических курсах, писатель вмешался в разговор курсисток о романе «Обрыв» со словами: «Я бы вам рекомендовал мое любимое произведение, которое мне никогда не надоест... Читайте “Фрегат “Палладу”!»¹⁴.

Но «Фрегат “Паллада”» — это не просто занимательное чтение. По своей философской глубине очерки не уступают романам Гончарова, недаром один из известных гончароведов, В.А. Недзвецкий, назвал эту книгу «географическим романом». Путешествие помогло Гончарову воссоздать широкую картину мира. Он увидел Великобританию, одну из самых динамичных

Макет фрегата «Паллада». Автор О.А. Свирский. 1982

¹³ Гончаров И.А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 35.

¹⁴ Павлова С.В. Из воспоминаний / И.А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 190.

стран того времени, затем покоренную ею Южную Африку, Сингапур, Гонконг, Шанхай и, наконец, Японию, еще только открывающуюся европейцам. «Все породисто здесь: овцы, лошади, быки, собаки, как мужчины и женщины», — пишет он об Англии. Здесь все имеет цену, сердечные порывы и смягчение нравов законодательно регулируются: «...добыто столько-то правосудия для выработки тишины...»¹⁵ Отталкиваясь от знаменитых «Писем русского путешественника» Карамзина и эпистолярных заметок современников, Гончаров трезво и нераболепно смотрит на «зрелую» европейскую буржуазную действительность. Англия, увидит он дальше, не кончается в Англии, она энергично продвигает свое влияние на Восток. Азия представляется ему на тысячи миль распростершейся Обломовкой, но если присмотреться — «сонное царство» Востока проявляется как мудрая форма самосохранения, пассивного противостояния чужеродному натиску.

«Фрегат “Паллада”» и «Обломов» создавались практически одновременно, но до сих пор (не считая нескольких тезисных замечаний, сделанных в свое время Б. Энгельгардтом, замечает Ю. Лоциц¹⁶) не были прочитаны параллельно, контекстно. Между тем такое прочтение во многом объясняет полемический замысел романа, глубинную суть «философии покоя» Ильи Ильича Обломова и его мечтаний о «целом», «полном» человеке. «Обломов» — роман мифологический, роман-сказка, роман-притча. Зачем Илья Ильич носит «восточный халат из персидской материи»? Почему поместье Обломова расположено «чуть ли не в Азии»? Да и само соседство, противостояние и взаимопритяжение Обломова и Штольца не навеяно ли недавними «аглицкими» и восточными впечатлениями нашего кругосветного путешественника?

Рассказывая о дальних землях и странах, писатель отдает должное описанию пышных красот южной природы, но в жизни других народов его интересует не столько экзотика, сколько желание уловить и понять духовные основы нации, философию жизни. Романский триптих Гончарова и его «Фрегат “Паллада”» выявляют неполноту, ограниченность «старых» и «новых» правд, прямолинейных противопоставлений Запада и Востока, общепринятых суждений о ходе исторического процесса и об устройстве мира.

Акварель, привезенная И.А. Гончаровым из путешествия

Иван Александрович Гончаров был оптимист. Он не знал, как «примирить выгоды государства с нравственностью», но верил в «историческое человечество», верил, что в закладку «человеческого конечного здания» каждый народ положит «свои нравственные силы, свой капитал». Он постоянно возвращается к мысли о едином пути для всех народов, о поступательном развитии человечества. История для него — «способ яснейшего уразумения жизни», ибо «человек есть продукт не одной минуты, а целого ряда веков и поколений». Он осторожен в прогнозах. «Мы слишком молоды, история нашей умственной жизни еще не двинулась настолько вперед, чтобы мы могли уже из своей эпохи видеть очерк будущего ее здания...»¹⁷ — пишет Гончаров в предисловии к роману «Обрыв».

Последний зал музея посвящен теме «Гончаров и современность». Экспозиция здесь постоянно обновляется, несколько раз в год устраиваются выставки.

Научная жизнь музея весьма насыщена и разнообразна. Прежде всего это исследовательская работа, связанная с биографией И.А. Гончарова, в которой до сих пор много «белых пятен». В изданном в 1997 году «Каталоге основного фонда Музея И.А. Гончарова» описано более пятисот самых ценных экспонатов. Это примерно пятая часть собрания музея. Каталог интересен не только специалистам, но и самому широкому кругу почитателей Гончарова, он богато иллюстриро-

¹⁵ Гончаров И.А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 43.

¹⁶ Лоциц Ю.М. Гончаров. С. 204.

¹⁷ Гончаров И.А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 122.

ван, содержит тексты гончаровских писем, статей, воспоминания современников об Иване Александровиче. Осуществилась давняя мечта сотрудников музея — сделать доступным для исследователей фамильный «Летописец» Гончаровых. Кроме семейных записей он содержит две старинные церковные повести — «Страсти Христовы» и «Повесть о крестном сыне», старательно вписанные туда рукой деда писателя двести семьдесят лет назад. Несколько лет понадобилось сотруднику музея Ю.М. Алексеевой, чтобы «перевести» «Летописец» со скорописи начала восемнадцатого века на современный русский язык. В 1996 году книга была издана и вызвала интерес специалистов, ее приобрели крупные российские и зарубежные библиотеки.

В 1987 году музей возобновил традицию проведения научных гончаровских конференций. Их состоялось уже четыре, три последних — международные. Каждые пять лет съезжаются в Ульяновск исследователи жизни и творчества Гончарова, после каждой конференции выходит сборник, который вводит в научный оборот последние достижения гончароведения.

Музей создал новые традиции. Ежегодные литературные праздники в Винновской роще, приуроченные ко дню рождения писателя, их было уже двадцать шесть, — собирают каждое лето потомков семьи Гончарова, литераторов, артистов, музыкантов, почитателей его таланта. Звучат отрывки из его книг, музыка, любимая им. Завершаются праздники традиционной прогулкой по Винновской роще к Гончаровской беседке на волжский обрыв. В 1990 году Гончаровские праздники получили статус Всероссийских.

Более десяти лет музей отмечает Дни памяти И.А. Гончарова. Каждый год 27 сентября поклонников таланта великого земляка ждет новая программа: выступление ансамбля духовной музыки, рассказ о новой музейной находке, встреча с потомками писателя или презентация нового издания.

Четыре года назад музей стал участником международной акции «Весна музеев». Она проводится по инициативе музеев Франции с 1999 года. Тема объявляется общая — например, «Пейзаж» или «Пять чувств», — а как она будет раскрыта, зависит от фантазии организаторов. В первое воскресенье апреля музеи-участники открывают свои двери для посетителей бесплатно. В апрельской акции 2002 года приняли участие около тысячи музеев Европы самого разного профиля и пока только восемь российских.

Коллектив музея — лауреат областной Литературной премии имени И.А. Гончарова. В 2001 году, когда Ульяновск был объявлен культурной столицей Приволжского федерального округа, музей И.А. Гончарова организовал выставку работ русского художника Н.Е. Дронникова, живущего более тридцати лет в Париже. Николай Егорович много лет был дружен с французским потомком семьи Гончаровых, известным писателем и журналистом Александром Симоном. Часть работ, представленных на выставке, Дронников подарил музею. Потом Ульяновск передал эстафету Кирову. Вместе с ленинскими музеями Ульяновска сотрудники музея И.А. Гончарова создали проект выставки «Ульяновск — родина двух Ильичей» и выиграли грант на ее осуществление. Уверены, что этот проект не последний, мы всегда открыты для новых идей и сотрудничества.

Музейное дело — это не только собирание экспонатов, оформление экспозиций, проведение экскурсий и чтение лекций. Это живая жизнь, живое общение с классикой, это собирание культуры, восстановление и расширение ее пространства. За двадцать лет трудной, но очень интересной, интенсивной работы музей приобрел известность не только в России, но и за рубежом. Друзей, единомышленников, помощников у нас становится все больше. И все больше «родственников», которые возвращаются памятью сердца в этот «благословенный уголок земли» и считают Дом Гончарова своим домом. В настоящее время в России и во Франции живет около 60 потомков семьи Гончаровых. А всего родословная, составленная благодаря многолетним архивным поискам, насчитывает более ста двадцати имен.

То, что потомки семьи Гончаровых были найдены, оказалось важным не только для нас, но и для них самих. За многие десятилетия они, казалось, навсегда потеряли друг друга и вновь перезнакомились благодаря музею. Их общие чувства выразила Изабель Симон. Впервые приехав на родину своих предков в 1992 году, она сказала в одном из интервью: «Возвращая нам нашу историю, нашу семью, наших живых русских братьев и сестер, вы возвращаете нам нашу жизнь, наше осознание самих себя и своей семьи, наше генетическое наследие, которое мы потеряли. Наше сердце билось по-русски, не зная куда деться. Мы давно любили вас — вы не знали об этом. Вы давно искали нас — мы не знали об этом. Но никогда больше мы не будем чувствовать себя странниками. Мы теперь не одиноки».

История одного портрета

Каждый новый экспонат для историко-литературного и краеведческого музея — всегда событие. Особенно если он, по счастливому стечению обстоятельств, буквально «выплыл» из небытия, вернее, из бытия полутрагической давности и считался безнадежно утраченным. Таким событием стал появившийся в музее Гончарова несколько лет назад портрет, а точнее, его живописная копия симбирской дворянки Елизаветы Васильевны Толстой, по мужу Мусиной-Пушкиной. По мнению многих гончароведов, она была одним из прототипов героини романа «Обломов» Ольги Ильинской. Известно, что Толстая оставила неизгладимый след в душе Ивана Александровича. Он называл ее «идеалом женщины», которой «дано все, чтобы быть единственной из числа немногих». Писатель до конца дней держал на столе в своем рабочем кабинете ее фотографию.

Сотрудники музея долгие годы искали подлинный портрет Толстой в музейных собраниях страны. Все было тщетно, пока в 1996 году в Ульяновск посмотреть на места, где были когда-то родовые имения предков, не приехали петербурженка Екатерина Дмитриевна Воейкова и ее племянница парижанка Вероника Жобер, — потомки родного брата Елизаветы Васильевны Александра Толстого. В музее Гончарова им показали журнальную репродукцию портрета Толстой, и тут Вероника Жобер рассказала, что портрет уже много лет хранится в их семье. О том, как и когда ее бабушка Е.Д. Воейкова-Ильина обрела фамильную реликвию, речь впереди. Для музейных сотрудников подобная находка представляет двойную ценность. Тем, кто изучает биографию и творчество Гончарова, интересна сама история создания портрета и тот сюжет, лирико-биографический и литературный, который с ним связан. А для тех, кто изучает историю края, историю культуры в ее социальном контексте, «биография» портрета Елизаветы Васильевны Толстой связана с судьбами симбирского дворянства, — соединяя поколения, портрет переходил от родителей к детям, от детей к внукам и правнукам, его передавали из семьи в семью, из века XIX в век XX и XXI... Революция, сожженные усадьбы, эмиграция, семьдесят лет советского безродства и беспамятства, — а портрет, бережно хранимый теми, кому дороги фамильные реликвии, семей-

ные предания и архивы, письма, которые писали друг другу наши деды и прадеды, бабушки и прабабушки, — оказался цел и невредим и снова находится в семье потомков Толстых!

О том, что портрет существует, современным исследователям гончаровского наследия было известно давно. В 1913 году в двух последних номерах выходившего в Петербурге журнала «Голос минувшего» появилась его репродукция. Там же были опубликованы 32 ранее неизвестных письма Гончарова к Толстой, две главы начатого «во имя ее» и не завершеного романа в письмах «Pour et contre» и сопровождающая публикацию литературоведческая статья академика П.Н. Сакулина. Из этой публикации российский читатель впервые узнал о трогательной, романтической любви Ивана Александровича Гончарова к прекраснейшей из женщин, повлиявшей на все последующее творчество писателя. Читая письма, мы убеждаемся, что многое из их отношений было действительно перенесено в роман и многое в самом Гончарове удивительно напоминает милого его сердцу Илью Ильича Обломова — с его неожиданной пылкой добротой, искренностью и благородством.

Первая встреча состоялась в 1842 — начале 1843 года в Петербурге в доме Майковых. В столице вдова Варвара Александровна Толстая с двумя дочерьми остановилась по пути в Финляндию. У Толстых было родовое имение под Звенигородом, но Варвара Александровна часто наезжала в Петербург, здесь в Главном инженерном училище обучался ее старший сын Александр. На этот раз, отправившись на морские купания, она взяла с собой и младших детей, шестнадцатилетнюю Елизавету и четырнадцатилетнюю Анну. Дом Майковых был известен в Северной Пальмире. Его глава, Николай Аполлонович Майков, — признанный столичный художник. Один из сыновей, Аполлон Николаевич, — поэт, второй, Валериан Николаевич, — литературный критик и публицист. В их доме собирались известные художники и литераторы. Москвички, воспитанные и прекрасно образованные, внесли оживление в их среду. В июне 1842 года в альбоме Варвары Александровны, непременно атрибуте каждой светской дамы тех лет, появилась запись одного из гостей, поэта Бенедиктова:

*И так врачей внимая гласу,
Уже Вы ждете дня и часу,
Готовы мчаться по волнам
К целебным Финским берегам...*

Заканчивалась запись словами:

*...И с Вами — лучший из цветков —
Очаровательная Лиза.*

Промелькнули осень и зима, в феврале 1843 года Толстые снова оказались в Петербурге и застали у Майковых Ивана Александровича. Очарованный юным созданием, Гончаров оставил Елизавете Толстой запись в альбоме, пожелав ей «светлой и безмятежной будущности».

Прошло двенадцать лет. Иван Александрович к своим сорока трем годам приобрел в обществе большую популярность. В 1847 году вышел его первый нашумевший роман «Обыкновенная история», готовились к публикации путевые очерки с описанием плавания на фрегате «Паллада». Елизавета Васильевна провела эти годы сельской затворницей, скрашивая жизнь книгами да участием в семейных событиях, занималась подготовкой свадьбы младшей сестры Анны и женитьбой брата.

(Александр Васильевич Толстой женился зимой 1855 года на приемной дочери и единственной наследнице богатых симбирских дворян Бестужевых, чье имение в селе Большая Репьевка находилось неподалеку от имения Толстых в том же Сызранском уезде.) Неустроенность личной жизни, забота родных о ее судьбе предопределили поездку Елизаветы Васильевны в Петербург летом 1855 года. Ее появление в столице произвело настоящий фурор, пишет Сакулин: «Красота и ум Елизаветы Васильевны приковывают к ней взоры всех, с кем она встречается; сильное впечатление производит она на И.С. Тургенева, изредка посещавшего дом Николая Аполлоновича Майкова. И.А. Гончаров становится нежным и настойчивым поклонником красавицы-провинциалки». Вначале с расторопностью, вовсе ему не свойственной, он достает для нее последние литературные новинки. Затем начинает всюду следовать за Толстой, выполняет ее незначительные просьбы и женские капризы. Это видно из записок, которыми они постоянно обмениваются. «Угодно ли Вам идти к Майковым, и в таком случае позволите ли проводить Вас? — спрашивает Гончаров в записке, посланной 22 августа. — Если же останетесь дома, то позволите принести, или прикажете прислать показать китайские альбомы?... Ваших повелений буду ожидать. Преданный Вам по гроб включительно И. Гончаров».

На следующий день новая записка: «Ваше кольцо и перчатки починены: прилагаю их. Где Вы? Не прикажете ли чего-нибудь?»

Елизавета Васильевна принимает лестные для нее ухаживания, но держит поклонника на расстоянии, не балует Гончарова ответными записками, да и у Майковых появляется не часто. Большую часть времени Толстая проводит со своими компаньонками в Царском Селе, в Петербурге бывает лишь для посещения театра или оперы, куда ходит вместе с Майковыми в сопровождении Гончарова. В какой-то момент Иван Александрович замечает, что ее присутствие или, наоборот, отсутствие влияет на его жизненный уклад и настроение. Он признается в этом Толстой 18 сентября в очередном письме: «Не видел Вас давно, не шутя, и, следовательно, впал в обычную апатию. Я уже объяснил Вам со всею откровенностью, что Ваше присутствие вызывает столько жизни у человека, по крайней мере у меня, Ваш ум будит чужой ум, по крайней мере, мой, так что трудно решить, прекрасны ли Вы больше или больше умны?»

В ответ Елизавета Васильевна присылает Гончарову для прочтения свой девичий дневник, где упоминается ее «друг детства». Иван Александрович с благодарностью принимает этот жест доверия. Прочтя дневник, тронутый ее искренностью, он пишет Елизавете Васильевне:

«...Все это у Вас грациозно, естественно грациозно, как Вы сами и Ваш ум, потом свежо и молодо, так что, особенно мучительная сторона страсти, даже и мне напомнило что-то бывалое, уже давно угасшее и забытое во мне. Позволю сделать одно капитальное замечание: Вы все обращаетесь к внешней “Его” стороне, едва вскользь упоминаете об уме, душе, а то все “красивая поза”, “опершись на руку” — да тут же непременно и “конь”. Я все думал, что у Вас это должно быть полнее. Впрочем, Вы и сами в своем дневнике сознаетесь, что “влюблены”, следовательно, это еще не решенный вопрос... Во всех Ваших выражениях мелькает только страсть, в виде болезни, а не сознательное и неизменное чувство».

Гончаров судит о чувствах Толстой с позиции своего возраста, по тому, насколько серьезно он сам относится к настоящему чувству. Но Елизавета Васильевна для себя уже все решила. В Петербург ее привело желание увидеть «друга детства», ярославского кузена, блестящего молодого кавалерийского офицера Александра Илларионовича Мусина-Пушкина, который, вероятно, в это время проходил службу в Царском Селе. Уже через месяц знакомства Толстая, видя, что Гончаров увлекся ею не на шутку, начинает избегать с ним встреч. Гончаров не может остановить нахлынувшую так неожиданно для него самую лавину чувств. Отправляя очередное письмо, он умоляет Елизавету Васильевну сохранить их доверительные отношения:

*Н.А. Майков. Портрет Елизаветы Васильевны
Муслиной-Пушкиной (урожд. Толстой). 1856*

«Надеюсь, Вы позволите мне видеть Вас хоть четверть часа у Вас, или в карете, по дороге к Евгении Петровне (жена Н.А. Майкова) — нигде больше, не бойтесь — Бог с Вами. Ни умыслов, ни сетей, ни птицеловства, о котором Вы не постыдились намекнуть мне вчера, а есть только одно неодолимое желание заслужить Ваше доброе мнение и никогда не терять его, приобрести Вашу дружбу и быть ею счастливым».

В начале октября Толстая отбыла в Москву. Гончаров, все еще находясь под впечатлением ее чар, задумывает сделать Елизавету Васильевну героиней своего романа: *«Не подозревали Вы и того, что едва успели миновать Тверь, а у меня в голове, не правда, в душе созрел уже план прилагаемой при этом главы романа. Вы еще не огляделись в Москве, а план был уже набросан на бумагу, теперь переписывается и завтра посылается к Вам, — не того романа, который должен быть готов через полтора года во имя Ваше, а того, который начался в душе героя и, Бог весть, когда кончится. Это одна из больших, жалких страниц романа: за что на Вас ляжет печальная обязанность читать ее. Дружба героя тяжела. Я даже в сомнении, посылать ли эту исповедь героя, довольно безобразную, как рана, которую человек решается показать другу только потому, что надеется возбудить ею не отвращение, а участие».*

Эти строки не требуют комментариев. Признания писателя горьки, его сердце страдает. Елизавета Васильевна, по-видимому, тоже растеряна. Она не находит слов утешения и отвечает на письма лишь по необходимости, когда разговор касается ее личных дел.

Незадолго до отъезда из Петербурга она заказала Николаю Аполлоновичу Майкову свой живописный портрет. На позирование времени не оставалось, и Майков предложил Толстой использовать техническое новшество тех лет — фотографию и заказать несколько снимков в разных ракурсах в мастерской известного петербургского фотографа Левицкого. Тогда же Гончаров получил разрешение Толстой забрать себе на память одно из ее изображений. Майков отобрал два негатива, с них было сделано по одной фотографии. Забирать заказ поехал Иван Александрович и взял себе на память наиболее понравившийся ему снимок. Другой отдал Майкову. Но Майков нашел, что та фотография, что выбрал Гончаров, более удачна, и попросил Левицкого сделать ему вторую такую же. На беду оказалось, что ученик фотографа нечаянно стер это изображение Толстой со стеклянной пластины, и художнику пришлось долго уговаривать Гончарова хотя бы на время дать ему фотографию для

работы, а взамен взять пока другую. Гончаров соглашается.

Он признается Толстой в очередном письме: *«Печальное обстоятельство, т.е. неполучение от Вас писем дало мне повод вынуть из бюро Ваш портрет, поставить против себя и вот эдак с Вами беседовать... Сходства много, но Вы на портрете годами пятью старше — и потом, где тут Ваш сияющий умом и добротой взгляд, где мягкость линий, так гармонически сливающихся в волшебных красках румянца, белизны лица и блеска глаз?»* Заканчивая письмо, он как бы в шутку рассказывает историю, которую ему поведал фотограф Левицкий: оказывается, незадолго до него в мастерскую приезжал «друг детства», и Левицкий описал Гончарову происшедшую между ними сцену: *«Этот мальчишка, какой-то корнетик, фат, дрянь (его выражения)...нашумел, накричал, чтобы ему отдали портреты, заносчиво требовал, чтобы прислали ночью, что работают дурно, зачем не готово, он едет и т.п.»* Гончаров сообщает Елизавете Васильевне о поведении «друга детства» только потому, что его об этом попросила жена Майкова Евгения Петровна, обеспокоенная буйным нравом избранника Толстой, желая ей добра и призывая ее быть более разборчивой в знакомствах. Но все увещевания напрасны. Толстая и Мусин-Пушкин объявляют о помолвке.

Между тем портрет Толстой готов, и Майков по требованию Гончарова возвращает ему прежний снимок. Объясняя свое желание оставить у себя именно этот снимок, Иван Александрович пишет в письме 30 октября 1856 года А.И. Мусину-Пушкину: *«...кроме сходства с оригиналом, он представляет еще идеал общей женской красоты; так искусно Николай Аполлонович уловил самую поэтическую сторону этой красоты. Если Вы позволите, я сохраню этот портрет у себя и буду поклоняться ему артистически».*

Свадьба Толстой состоялась в январе 1857 года. Ее дозволения пришлось добиваться в Синоде, так как церковь не давала согласия на брак из-за невольнительно близкого родства жениха и невесты — они были двоюродными братом и сестрой. Мать Елизаветы Васильевны, зная о связях Гончарова в правительственных кругах, обратилась к нему за помощью. Гончаров нашел чиновника, который уладил дело в Синоде. Летом того же года Иван Александрович по совету врачей отправляется на воды в Мариенбад, где с головой уходит в работу над давно задуманным романом «Обломов».

Все пережитое им за последние годы нашло в романе свое отражение: *«Я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал, — словом, писал и свою*

жизнь и то, что к ней прирастало». Особенно вдохновенно работал он над образом Ольги Ильинской, с трепетной влюбленностью выписывая его на бумаге. В письмах к знакомым мелькают его признания: «не надышусь, не нагляжусь», «живу, дышу только ею». «Пережитое им самим счастье любви, — писал Сакулин, — светлыми бликами падало на листы его романа...»

А что же случилось с нашей героиней?

После того как в Ульяновске был открыт музей И.А. Гончарова, появилось много публикаций о «послегончаровской» судьбе Елизаветы Васильевны. Она сложилась, можно сказать, трагически. Об этом пишут в своих работах О.А. Демиховская (Ярославль), А.В. Лобкарева и В.И. Мельник (Ульяновск), ряд других авторов. «Светлая и безмятежная будущность», которую обещал когда-то шестнадцатилетней Лизе Иван Гончаров, на поверку обернулась чередой страданий и утрат.

Благополучная семейная жизнь Мусиной-Пушкиной продлилась всего несколько лет. В 1865 году Александр Илларионович, подверженный тяжелому наследственному недугу, именуемому в те годы «мрачной меланхолией», свел счеты с жизнью. Елизавета Васильевна осталась одна в разоренном имении с тремя малолетними детьми, Семеном, Юрием и Надеждой. Чтобы обеспечить детям достойное существование, Мусина-Пушкина вынуждена была поступить на службу. В 1868 году она занимает должность начальницы Кушниковского института благородных девиц в Керчи. Ее любят воспитанницы, ею восхищается начальство. Но семейные невзгоды не оставляют Елизавету Васильевну. Вскоре умирает ее дочь Надежда, сыновья воспитываются вдали от нее, в унаследованном ею имении под Сызранью, находясь на попечении бездетной тетки Анны Васильевны Топорниной. Тоска по детям, пережитые несчастья подрывают здоровье Мусиной-Пушкиной, и 30 октября 1878 года она умирает в возрасте пятидесяти лет. Судьба пощадила ее, не позволив стать свидетельницей тяжелой наследственной болезни и гибели обоих сыновей, окончивших дни так же, как и их отец.

А теперь о судьбе портрета.

При жизни детей и внуков портрет Елизаветы Васильевны Толстой, которой «дано было все, чтобы быть единственной из числа немногих», и письма Гончарова к ней бережно хранились в их семьях. Лишь в 1913 году, спустя год после столетнего юбилея писателя, который отмечала страна, внучка Елизаветы Васильевны, Ольга Семеновна, позволила их опубликовать в журнале «Голос минувшего». Вскоре после революции, потеряв свои имения, трое выживших в кровавой мясорубке внуков

Мусиной-Пушкиной из Симбирской и Ярославской губерний переселяются в Москву. Пока доподлинно известна судьба одного из них, Всеволода Юрьевича, московского литератора, до своей смерти в 1939 году он жил вместе с женой недалеко от Арбата. Именно там в одном из антикварных магазинов какими-то судьбами и оказался портрет Елизаветы Васильевны. Можно предположить, что с ним решилась расстаться вдова Всеволода Юрьевича. Мы не знаем, что толкнуло ее на это, нужда, равнодушие, одиночество. Но знаем, что, по счастью, покупателем оказался не случайный человек, а двоюродная внучка Елизаветы Васильевны, симбирская дворянка Екатерина Дмитриевна Воейкова-Ильина. Когда-то в начале 20-х годов в харбинской эмиграции она писала в своем дневнике: «Бедные мои девочки, они вырастут на всем новом, без этого аромата старины, нежного дыхания прошлого, которое окутывало все наше детство...» В 1954 году она вернулась из Маньчжурии в Россию вслед за своей дочерью, писательницей Наталией Иосифовной Ильиной и, случайно оказавшись на Арбате, вдруг увидела в антикварном магазине знакомую с детства семейную реликвию. Так портрет оказался у Екатерины Дмитриевны. После ее смерти в 1965 году портрет унаследовали дочери, Наталия Ильина и Ольга Лаиль.

«Через год после смерти мамы, — рассказывает Ольга Лаиль, — я приехала в Москву с группой туристов, как полагалось в то время. Вечером пришла к сестре и увидела, что портрет нашей grande-tante стоит в прихожей, прислоненный к стене. Я удивилась, почему он не висит в комнате, как полагается, и сказала, что заберу его себе и повешу на почетное место в нашей гостиной в Париже. Бери, сказала Наташа. В то время она еще совсем не интересовалась нашими предками. (Потом моя сестра перестала быть нигилисткой, переболела “советизмами”, так она говорила, и написала очень хорошую книгу об истории нашей семьи.) Но вывезти портрет мне не позволили, хотя очень хотелось и мне даже иногда говорили о моем сходстве с нашей grande-tante». Портрет был реставрирован и так и остался висеть, теперь уже на почетном месте, в московской квартире Ильиной, которую после кончины Наталии Иосифовны унаследовали ее сестра и племянница, парижанки Ольга Лаиль и Вероника Жобер.

В 1997 году с их разрешения по просьбе сотрудников музея И.А. Гончарова ульяновский художник Борис Клевогин сделал копию, которая теперь украшает один из наших музейных залов.

А судьба писем Ивана Александровича Гончарова к Елизавете Васильевне Толстой, к сожалению, до сих пор остается неизвестной.